

он решился выпить кружку пива да съесть целое яйцо вместо половинки; видно, уж суждено ему было навсегда остаться скупердяем, как Гансу Суждено остаться пьяницей.

Этот же Ганс часто смешил людей, когда спьяну не вязал лыка и начинал путать слова. Так, однажды, будучи в Меце, он попросил торговца сукном продать ему «квартиру красного сукна на выпивной кафтан», торговец же, услышав такие речи, спросил, откуда он. На это Ганс ответил: «Не видишь, что ли: на мне серая деревня, стало быть, я из куртки, а в город пришел на базар»: – сиречь по его серой куртке сразу видно, что он из деревни; и каждый раз, как был сильно пьян, горюдил он такую чушь. В другой день, также в Меце, хватив лишку в кабаке, он вздумал купить башмаки себе и своему сынишке и спросил сапожника, нет ли у него «семилетних башмаков для сафьянового мальчика». – «А для меня, – прибавил он, – носков с длинными туфлями, по старинной моде». А когда сапожник для смеху запросил с него слишком много, ссылаясь на то, что нынче все дорожает, Ганс заплетающимся языком промолвил: «Да, рожает, хлеб рожает, вино рожает, сукно рожает, сын рожает, черт рожает – все-все рожает!» А хотел-то он сказать, что и кожа, и вообще все стало больно дорого. Не сторговавшись с сапожником, отправился он приценяться к ножам, но и они оказались ему не по карману. Тогда он показал торговцу свой старый и ржавый нож, который хотел наточить. «Помилуй, да ведь этот нож давно пора выкинуть!» – говорит ему ножовщик. «Неужто он так плох? – удивился Ганс. – Вот, помню, у моего сеньора был нож так нож, упокой Господи его душу, хорошей был закалки, да плохо кончил – умер под пыткой». Тут ремесленник расхохотался и понял, с кем имел дело. А когда он спросил, откуда Ганс пришел, тот отвечал: «Да вот ходил пахать в кабак».

Увидел Ганс, что все над ним смеются, повернулся и пошел домой, то и дело натываясь на кусты и заборы – зная, дорога была ему узка. Наконец добрал он кое-как до дому, а там жена, в тот день еще трезвая, порядком выбранила его, набравившись же, спросила, что хорошего купил он в Меце. «Ей-богу, женушка, – отвечал он, – я чуть не купил тебе губку и лоток». Он хотел сказать, что собирался купить ей юбку и платок на шею, но был так пьян, что не смог выговорить, и жена с досады прогнала его с глаз долой на работу. «Ну, так дай мне мопату и латыгу!» – то бишь лопату и мотыгу, – ведь он, как мы говорили, был землекопом. Жена подала ему, что он просил, и примолвила: «Чтоб тебе провалиться! Раз ничего не принес мне из Меца, так и нечего тебе там делать, В другой раз я сама пойду».

Вскоре после этого наша кумушка и две ее соседки сидели как-то на солнышке, пряли да точили ляды, и немка рассказала, что хочет сходить в Мец. Тут же было решено отправиться всем втроем. И вот в один прекрасный день все три женщины вышли из селения и пошли, с разрешения мужей, в Мец, а чтобы не зря ходить, каждая захватила что-нибудь на продажу. Одна – пару сыров, другая – горшок масла, третья – яйца, и всю ту снедь они сразу же продали за хорошие деньги.

Обошли они все церкви, поглядели на город, а потом решили зайти в кабак перекусить, причем подбила всех на это немка, уверявшая, что там очень дешево берут. А одна из товарок подтвердила: она-де не раз слыхала от мужа, что за каких-нибудь пять-шесть денье тут можно наесться досыта, напиться допьяна, да и еду подают преотличную. Третья товарка стала было упираться – и немудрено, ведь это была жена того самого скряги, что пировал целым яйцом. Но наконец ее уговорили и все втроем подались в кабак, мечтая, что за пять-шесть денье их тут станут потчевать ровно принцесс. Хозяйка спросила, чего им подать. «Мы сегодня толком не обедали, – говорит одна из кумушек, – только поели хлеба да запили водой, теперь же хотим угоститься на славу, поэтому, любезная хозяйка, несите нам, что у вас есть самого лучшего да самого вкусного, И ставьте все на стол, да налейте нам доброго винца. Верно я говорю?» – обратилась она к товаркам. И те согласились. «Ну раз так, – говорит хозяйка, – для начала я вам подам свежего бараньего жаркого, которое осталось от обеда, а тем временем поспеют полдюжины цыплят, что заготовлены для ужина – уже ощипаны и начинены. Есть еще парочка куропаток – это кушанье на тонкий вкус, – если велите, подам и их». – «Да-да, – отвечают кумушки, – мы хотим всего отведать, уж пировать так пировать».

Женщины уселись за стол, и не успели еще изжариться цыплята и куропатки, как от баранины остались одни кости. Видя такую прожорливость, хозяйка поскорее подала трех цыплят, а остальных оставила дожариваться. Но и их вмиг уплели и обсосали косточки. Кумушки не только на еду налегали, но и пить не забывали. Хозяйка только диву давалась, сколько в них лезет, и видя, что аппетит их не идет на убыль, выставила перед ними все, что было, а кумушки, которым вино